

Научная статья

УДК 321.01

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-55-59

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЛЕГИТИМНОСТИ

Никита Олегович Иощенко

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, nick-rattlehead@yandex.ru

Аннотация. Предпринимается попытка проанализировать взаимоотношения современного государства и организованной преступности как акторов внутренней и внешней политики в условиях кризиса легитимности. Из-за отхода от интерпретации понятия «легитимность» в изначальном смысле, который вкладывал в него Макс Вебер, современная криминология оставила без внимания сложные процессы и связи, которые лежат в основе антагонизма и сотрудничества между легальными и нелегальными политическими субъектами.

Ключевые слова: легитимность, государство, криминал, организованная преступность, мафия, коррупция

Для цитирования: Иощенко Н. О. Отношения государства и организованной преступности в условиях кризиса легитимности // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 55–59. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-55-59.

Original article

RELATIONS OF THE STATE AND ORGANIZED CRIME IN CONDITIONS OF A CRISIS OF LEGITIMACY

Nikita O. Ioshchenko

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, nick-rattlehead@yandex.ru

Abstract. The article attempt to analyze the relationship between the modern state and organized crime as actors in domestic and foreign policy in a crisis of legitimacy. By moving away from interpreting the concept of legitimacy in Max Weber's original sense, modern criminology has ignored the complex processes and connections that underlie the antagonism and cooperation between legal and illegal political actors.

Keywords: legitimacy, state, crime, organized crime, mafia, corruption

For citation: Ioshchenko NO. Relations of the state and organized crime in conditions of a crisis of legitimacy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):55-59. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-55-59.

Введение

С лёгкой руки общепризнанного классика гуманитарной мысли, стоявшего у истоков сразу нескольких общественных наук, Макса Вебера понятие «легитимность» прочно вошло в понятийный аппарат целого ряда дисциплин и, в первую очередь, философии, социологии, политологии [1]. Кроме этого, легитимность как понятие широко употребляется в криминологических исследованиях, однако термин в такого рода литературе не играет столь фундаментальную роль

и поскольку по своей сути имеет чисто юридический смысл, то выступает синонимом таких слов, как «легальность» или «законность».

Это может объясняться тем обстоятельством, что криминология в отечественной научной традиции считается юридической наукой и держится несколько обособленно от остальных гуманитарных и социальных наук. Одна из актуальнейших проблем прошлого, современности и будущего — проблема организованной преступности — в отечественной науке традиционно служит объектом изучения криминологии, что обуславливает сравнительно узкие рамки исследования данной

темы. Организованная преступность в такой научной литературе скорее описывается, нежели анализируется, и, к сожалению, её недостаточно полно удаётся вписать в общий социально-политический контекст. При этом изучение феномена организованной преступности зачастую исходит из заведомо негативной оценки этого явления, что лишает возможности выявить, проанализировать и охарактеризовать его явные и латентные социальные и политические стороны. Получается ситуация, где криминология, будучи юридической наукой, отличается свойственной юриспруденции догматичностью, категоричностью, умозрительностью. Эти обстоятельства создают своеобразную пропасть между правовыми нормами и реальными социальными практиками.

Отчасти это можно объяснить недостаточным применением междисциплинарного подхода и наблюдаемой нами устарелостью представлений об обществе в криминологической мысли, которые находятся примерно на уровне XIX в. в лице Конта, Спенсера, Дюркгейма и других классиков социальной философии. Классика по-прежнему остаётся актуальной, но с тех времён социальные науки сильно шагнули вперёд и, безусловно, требуется современное переосмысление.

При этом классическое определение легитимности Макса Вебера остаётся без должного внимания и зачастую в юридической литературе подменяется созвучным понятием «легальность». На наш взгляд, это является одной из причин оторванности криминологии от современных социальных наук и, как следствие, недостаточного понимания проблемы организованной преступности как феномена социально-политического толка. На фоне новаторских идей американского экономиста Мансура Олсона, который рассматривает генезис государства как следствие эволюции бандитских группировок, этот факт вызывает некоторое недоумение [2].

Необходимо отметить, что подобную идею Олсона можно отыскать уже в религиозной философии Аврелия Августина, который писал: «Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так, как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре» [3]. Однако мысль Августина своевременного развития не получила, и его вопрос был актуализирован лишь в прошлом столетии.

Оговоримся, что в дальнейшем мы строго дифференцируем понятия «легальность» и «легитимность». Под легальностью мы подразуме-

ваем чисто юридическое понятие, означающее соответствие правовым нормам. В свою очередь под легитимностью мы имеем в виду то понимание, которое предлагает Мартин Липсет, где легитимность — это способность политической системы порождать и поддерживать веру в то, что действующие политические институты являются наиболее подходящими и приемлемыми для общества. От этой веры-легитимности зависит стабильность, и она является показателем того, насколько данная политическая система успешно выполняет основные функции власти, как их видят народные массы, а также бизнес-сообщество и силовики [4].

Произошедшая подмена этих понятий в отечественной юриспруденции создаёт пробел в понимании роли влияния криминала на политические процессы. Такое положение дел чревато невозможностью в полной мере систематизировать опыт борьбы с преступностью, мешает осознать криминал в качестве субъекта политических отношений, в которых проблема легитимности правящего режима в существенной степени определяет специфику функционирования организованной преступности.

Легитимность и организованная преступность: причинно-следственные связи

Понимание легитимности как показателя признания обществом существующей власти вкупе с рассмотрением криминала как политического актора даёт возможность по-новому взглянуть на устоявшиеся теории прошлого.

В связи с вышесказанным уместно будет перейти к вопросу, который можно сформулировать следующим образом: как легитимность сказывается на политической субъектности организованной преступности?

Для сомневающихся в обоснованности такого подхода напомним, что организованные преступные группировки в ряде стран подменяли государства и гражданское общество в весьма нетипичных для себя сферах. Известный наркобарон Пабло Эскобар финансировал строительство школ, больниц, дорог, спортивных площадок, церквей. Якудза помогала преодолеть последствия землетрясений в Кобе. Гангстеры Чарльз Лучано и Мейер Лански организовывали охрану доков с позволения военно-морской разведки США во времена Второй мировой войны. Также итало-американская мафия оказывала помощь при высадке войск союзников на Сицилию. Аль Капоне предлагал свою помощь

правоохранительным органам при поисках пропавшего подростка Роберта Фрэнкса, а затем и его убийц Леопольда и Лёба. Маньяк Педро Алонсо Лопес разыскивался в первую очередь отнюдь не колумбийской полицией, а местными криминальными группировками, обеспокоенными пропажей своих «работниц». Криминальный авторитет Евгений «Джем» Васин организовал на Дальнем Востоке благотворительный фонд, который помогал бездомным и заключённым. Кроме этого, на деньги его фонда был открыт детский лагерь, клуб бокса для подготовки новых «кадров». Наконец, можно вспомнить личность Владимира Барсукова (Кумарина), занимавшегося помимо криминальной деятельности тем, что сейчас бы могли назвать сохранением культурного наследия: доставлял благодатный огонь из Иерусалима, финансировал восстановление храмов, а также поставлял продукты на флот по просьбе руководства «Северной верфи».

Список далёк от всеохватности, но уже довольно репрезентативен. Мы видим, что в определённых ситуациях организованная преступность заполняет функциональный вакуум, который образовывается после того, как государство самоустраняется. Очевидно, что организованная преступность при этом преследует свои собственные корыстные интересы, однако нельзя отрицать и то, что таким образом она выступает в качестве своеобразного поставщика крайне востребованных общественных благ.

В качестве поставщика общественных благ криминалу проще всего реализоваться в условиях, когда власть испытывает кризис легитимности. Вне зависимости от причин кризиса низкая легитимность создаёт благоприятную почву для того, чтобы ОПГ занялись новыми для себя сферами общественной жизни.

Поскольку кризис легитимности характеризуется потерей доверия к власти, это ведёт к дезорганизации государственного управления. Бессилие официальных органов власти вызывает потребность в институте, который будет регулировать общественные противоречия, решать классовые конфликты и управлять социальными процессами. Если самоорганизации общества не произошло, то вакуум власти заполняют альтернативные государству силовые предприниматели, например мафия в Италии [5].

Коренная ломка политических институтов при переходе от традиционного сельского хозяйства к капиталистическому происходила, когда официальная власть обладала низкой легитимностью

и была неэффективной, поскольку была не в состоянии монополизировать насилие на юге Италии. Иного и быть не могло, учитывая скромные финансовые возможности государственной казны, в связи с чем бюрократия не получала должного ассигнования и вынуждена была добывать себе средства коррупционным путём. В столь неопределённой среде институт мафии становился гарантом экономических трансакций в регионе [6].

Попытки слабого итальянского государства навести порядок на юге страны были обречены на неудачу. Волны репрессий против мафии, оказавшись в результате бесполезными и затратными, лишь ещё больше дискредитировали официальную власть и снижали её легитимность. Выйдя победителем из схватки с государством, мафия становилась в глазах местной общественности необычайно могущественной организацией, неуязвимой для репрессий и к тому же более эффективной и «справедливой», чем государство [7].

Привлечь к ответственности лидеров криминальных структур в подобном неэффективном государстве представляется в общественном сознании чем-то весьма малореальным. Безнаказанность криминала и отсутствие рисков ведёт к разнузданности и неразборчивости средств, вплоть до массовых убийств и терроризма, что ещё больше делегитимизирует законную власть. Таким образом, создаются условия, при которых государство неуклонно теряет свою легитимность, а ОПГ накапливают силы, влияние и ресурсы. Одновременно с этим копится и общественное недовольство. Продолжается это до тех пор, пока не наступает некое резонансное событие, возмущающее и мобилизующее общественность на противодействие криминалу. К числу таких событий можно отнести бойню в Чикаго в День Святого Валентина в 1928 г. или массовое убийство в станции Кушёвской в 2010 г. Правящий режим рано или поздно теряет все ненасильственные возможности для поднятия легитимности и для своего существования вынужден прибегать в полномасштабному и бескомпромиссному противостоянию с ОПГ, вплоть до задействования военных сил, интервенции союзников, нарушения процессуальных формальностей, внесудебных казней и игнорирования прав человека.

Войны с наркомафией, подобные тем, что ведутся в Колумбии, Мексике или на Филиппинах, вызывают критику у международного сообщества за ригидность, кровавость и бескомпромиссность.

На самом деле политические режимы находятся не в том положении, чтобы сбавлять накал насилия. Амнистии, снисходительность и проявление гуманизма к преступникам внутри стран будут восприниматься как слабость, непоследовательность и могут критиковаться за мнимое или реальное сотрудничество режима с одними ОПГ против других. Разумеется, такая критика негативным образом сказывалась бы на критически важной легитимности, и государству рациональнее не давать никаких поводов для подобного рода высказываний.

Недостаток собственных ресурсов и низкая эффективность власти в дополнение ко всему вынуждает правящие элиты отчаянно искать союзников. Так, колумбийское правительство тесно сотрудничало с США, борясь с Медельинским картелем. При этом союзниками правящего режима могут выступать и другие криминальные структуры. В той же Колумбии в этом качестве выступил наркокартель Кали.

Наиболее кровавые формы война с преступностью принимает в странах, являющихся крупнейшими экспортёрами нелегальных товаров, например наркотиков. Финансовые возможности преступных организаций позволяют им обзаводиться армейским оружием, военной техникой, создавать свои армии из наёмников, что ведёт только к эскалации конфликта и увеличению масштабов открытого насилия.

Напротив, в случаях высокой степени легитимности перед правящими элитами задача борьбы с организованной преступностью является не столь актуальной, чтобы решиться на массовое применение насилия, которое, в свою очередь, для таких режимов негативно сказывается на рейтингах и политической стабильности. Более того, такие режимы в большей степени могут себе позволить сотрудничество с ОПГ и бу-

дут нести меньшие риски и издержки. Более того, их высокий уровень легитимности может быть обеспечен при помощи преступников, например, благодаря их финансовым вливаниям или воздействию на электорат.

Заключение

Таким образом, мы видим, что при сопоставлении организованной преступности и политической легитимности вскрывается их глубокая взаимосвязь, напрямую сказывающаяся на социально-политических процессах. От легитимности правящего режима зависит форма существования ОПГ и их поведение. Легитимность также обуславливает складывающиеся отношения между криминалом и государством: будут ли это отношения враждебные или же появится потенциал для сотрудничества. При этом на саму легитимность контакты правящих элит с криминальным миром негативно влияют лишь при соответствующем культурном климате, где подобные связи считаются аморальными. Степень проникновения якудзы в японское общество показывает, что ОПГ может быть настолько открытой для населения, что имеет даже свои общественные приёмы и интернет-сайты, и это рассматривается как нечто нормальное и даже полезное для социума и государства.

Безусловно, политическая роль криминала в том или ином обществе не может определяться только легитимностью правящего режима. Тем не менее это важный фактор, который из-за прямолинейного и ограниченного юридического понимания легитимности упускается в криминологических исследованиях. Нам представляется перспективным пересмотр этого подхода и рассмотрение криминала как политического актора в понятиях, категориях и методах, свойственных политической теории.

Список источников

1. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 804 с.
2. Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М. : Новое издательство, 2012. 212 с.
3. Блаженный Августин. О граде Божием: в 4 т. М. : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. 3. 283 с.
4. Липсет М. Политический человек. Социальные основания политики. М. : Мысль, 2016. 611 с.
5. Волков В. В. Мафия в зеркале социологии // Экономическая социология. 2004. № 3. С. 16–34.
6. Синютин М. В. Институт мафии — частная собственность на применение насилия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 1. С. 125–150.
7. Дикки Д. Cosa Nostra история сицилийской мафии. М. : Эксмо, 2022. 432 с.

References

1. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. Moscow; 1990. 804 p. (In Russ.).
2. Olson M. Vlast' i procvetanie. Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury. Moscow; 2012. 212 c. (In Russ.).
3. Blazhennyj Avgustin. O grade Bozhiem: v 4 tomah. Moscow; 1994. Vol. 3. 283 p. (In Russ.).
4. Lipset M. Politicheskij chelovek. Social'nye osnovaniya politiki. Moscow; 2016. 611 p. (In Russ.).
5. Volkov VV. Mafiya v zerkale sociologii. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2004;(3):16-34. (In Russ.).
6. Sinyutin MV. Institut mafii — chastnaya sobstvennost' na primenenie nasiliya. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2002;(1):125-150. (In Russ.).
7. Dikki D. Cosa Nostra istoriya siciljskoj mafii. Moscow; 2022. 432 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. О. Иощенко — ассистент кафедры философии.

Information about the author

N. O. Ioschenko — Assistant, Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.